

С.М. Хенкин

Правящая элита Испании: Политические практики и социальный облик

***Аннотация.** В статье рассматривается вклад правящих «политических семей», сменявших друг друга, в процесс модернизации Испании на этапе перехода к демократии. Автор анализирует изменения в половозрастном и профессиональном составе, уровне образования руководящих элит, изучает пути формирования правительств и других властных структур.*

***Abstract.** This article seeks to analyze how the ruling «political families» which alternated in power contributed to the process of Spain's modernization during and after the transition to democracy. The author studies changes in such characteristics of the ruling elite as gender, age, level of education and professionalism, as well as the ways to form governments and other institutions of power.*

***Ключевые слова:** Испания, правящая политическая элита, «политическая семья», модернизация, социальные характеристики элиты.*

***Keywords:** Spain, ruling political elite «political family», modernization, elites' social characteristics.*

Во второй половине XX – начале XXI в. Испания пережила серию глубоких социально-политических трансформаций – самокоррекцию франкистского режима, его ликвидацию, становление и консолидацию демократии. Отдельно следует отметить воздействие на испанскую политику глобального финансово-экономического кризиса 2007–2008 гг., обнажившего ее

многочисленные проблемы и противоречия развития. В ходе всех этих трансформаций становилась иной роль правящей политической элиты (автор понимает под ней совокупность лиц, занимающих положение в структурах государственной власти), сменяли друг друга различные ее «семьи». И каждый раз определяющее значение для успешного развития общества приобретал вопрос о «качестве» этой элиты, ее социальном облике, компетентности и профессионализме.

Основные «семьи» правящей политической элиты и их роль в процессе модернизации Испании

До середины XX в. испанская правящая политическая элита сохраняла во многом традиционный облик. Запоздалое капиталистическое развитие, многовековое господство монархии, доминирование в обществе консервативно-религиозного сознания, сильные авторитарные традиции предопределили формирование элиты, ревностно защищавшей статус-кво и тесно связанной с помещичье-буржуазной аристократией, церковью и армией. Некоторые исключения – например, период II Республики (1931–1939), когда у власти в течение определенного времени находились силы, ориентировавшиеся на социальный прогресс в интересах большинства населения, не меняют общей линии развития. Испанская ситуация выглядела достаточно специфичной на общем фоне европейских стран середины XX в. [Волков, 2014, с. 3].

Принципиальный сдвиг произошел в конце 1950-х годов XX в. В правящем блоке франкистской диктатуры фалангистов – членов единственной разрешенной авторитарным режимом партии (фаланги), выступавших за продолжение политики жесткого подавления оппозиции, сохранение режима автаркии и отстранение от системы международного разделения труда, – вытеснила новая политическая «семья» – технократы. Они модернизировали социально-экономическую систему франкизма, сделав ее более открытой для либеральных начинаний, стимулировали ускоренный экономический рост, превративший отсталую Испанию в индустриально-аграрную страну. Разумеется, в их планы не входил демонтаж диктатуры. Речь шла лишь о том, чтобы сделать политическую сис-

тему более гибкой и динамичной. На практике, однако, технократы выступили в роли могильщиков франкизма, поскольку их реформы содействовали формированию многочисленного среднего класса, развитию структур гражданского общества, складыванию в недрах авторитаризма демократической политической культуры. Примечательно также, что в годы позднего франкизма в стране сформировалась контрэлита из деятелей умеренной оппозиции, которая достигла определенного уровня политической культуры, в частности толерантности к политическим противникам [Хенкин, 1993, с. 39–40].

Именно представители контрэлиты вкупе с франкистами-«обновленцами» (наиболее ярким их представителем был председатель правительства в 1977–1981 гг. Адольфо Суарес) под эгидой короля Хуана Карлоса I демонтировали франкистский режим и осуществили политическую демократизацию общества. В мае 1977 г. А. Суарес создал партию Союз демократического центра (СДЦ), представлявшую собой разношерстную коалицию правоцентристских и центристских буржуазных партий, в которую вошли такие течения, как «франкисты-обновленцы», христианские демократы, либералы, умеренные социал-демократы.

На первых со времени гражданской войны парламентских выборах в июне 1977 г. СДЦ одержал победу. Результаты выборов показали, что в его лице модернизированной фракции правящего класса удалось создать влиятельную политическую организацию, сумевшую, с одной стороны, отмежеваться от откровенных консерваторов и франкистов, а с другой – отвоевать определенное политическое пространство у левых партий. Глава СДЦ А. Суарес стал в глазах широких слоев населения творцом мирного демонтажа франкизма и на время приобрел черты харизматического лидера.

Кабинет министров А. Суареса действовал в очень сложной обстановке экономического кризиса (он начался еще в 1974 г.) и состояния «чрезвычайного государства», характеризовавшегося незавершенностью перехода от франкизма к представительной демократии. В этих условиях однопартийное правительство СДЦ, не имевшее абсолютного большинства в парламенте, приняло ре-

шение сблизиться с основными парламентскими партиями, прежде всего левыми, для проведения коалиционной политики.

В октябре 1977 г. были подписаны «пакты Монклоа» (действовали до декабря 1978 г.), направленные на стабилизацию политической ситуации и углубление демократических реформ. Они стали символом национального согласия между правыми и левыми элитами. Еще недавно непримиримые противники, разделенные траншеями гражданской войны, продемонстрировали способность к добровольному самоограничению во имя достижения общенациональных целей. Самый поучительный момент состоял, пожалуй, в том, что «франкист-обновленец» Адольфо Суарес и руководитель коммунистов Сантьяго Каррильо пошли навстречу друг другу, заключив соглашение во дворце Монклоа. Оба этих лидера поднялись над узкопартийными амбициями, преодолевая непонимание и сопротивление части собственных сторонников. В декабре 1978 г. на референдуме была одобрена демократическая Конституция, отразившая интересы не какой-либо одной партии или социальной группы, а баланс интересов всех политических сил.

Вместе с тем франкистская выучка А. Суареса постоянно давала знать о себе. Демократизация политической системы носила непоследовательный и противоречивый характер. Политика правительства не выходила за рамки осторожного реформизма и характеризовалась колебаниями, попятными движениями, стремлением сохранить в неприкосновенности некоторые институты франкизма. Никакой чистки аппарата управления проведено не было.

С принятием Конституции демократизация отнюдь не достигла рубежа необратимости. 1979–1981 гг. стали временем политической нестабильности, характеризовавшейся лавинообразным ростом безработицы, разгулом терроризма радикально-националистической организации ЭТА, добивавшейся выхода Страны Басков из Испании, угрозой ультраправого переворота. В январе 1981 г. А. Суарес ушел в отставку, резко снизилась популярность СДЦ, который он возглавлял. Не справился с лавиной проблем и Л. Кальво-Сотело, сменивший А. Суареса во главе кабинета министров СДЦ.

Испанской общественности стало очевидно, что упрочение демократии требует иных исполнителей. Ими стали деятели Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП). Впервые со времен Народного фронта 1936 г. к власти пришла левая (точнее к 1982 г. уже левоцентристская) партия – политики, стоявшие в оппозиции к франкистской диктатуре и оказавшиеся способными осуществить более серьезные и масштабные демократические преобразования, чем их предшественники. Именно в годы правления ИСРП произошла консолидация демократии. У испанцев окончательно рассеялся страх перед возможностью реакционного военного переворота.

В социально-экономической области перед правительствами ИСРП во главе с Фелипе Гонсалесом встали те же проблемы, с которыми сталкивается любая правящая партия на этапе консолидации демократии: как соединить углубление политической демократизации с развитием экономической и социальной сфер? Насколько можно совместить преодоление инфляции и бюджетного дефицита с защитой наименее обеспеченных социальных слоев, экономическую эффективность – с социальной справедливостью?

ИСРП шла по достаточно узкому «коридору возможностей» – между требованиями масс и профсоюзов, с одной стороны, и давлением правых (так называемых фактических властей) в лице консервативно настроенных фракций генералитета, церковной иерархии и патроната – с другой. Правление левой партии стало для новой политической системы серьезной проверкой на прочность.

Социальная политика ИСРП, сдвинувшейся в сторону умеренности и частично сменившей таким образом свою традиционную идентичность, была весьма продуманной. Правительство укрепляло рыночные институты, проводило жесткую финансовую политику, открывало страну для иностранного капитала и одновременно расширяло социальную защиту населения. При социалистах заметно возросли расходы на образование, здравоохранение, пенсионную систему, расширилось и укрепилось государство благосостояния. ИСРП удалось совместить принципы экономической эффективности и социальной справедливости. Испания была

одной из немногих западных стран, где в 1985–1995 гг. социальные различия не увеличились [Powell, 2001, p. 456–463].

Вместе с тем деятельность ИСРП не стоит идеализировать. По стране прокатилась волна коррупционных скандалов, в которых были замешаны высокопоставленные функционеры этой партии, что стало одной из важных причин ее поражения на парламентских выборах 1996 г.

С 1996 по 2004 г. у власти находилась еще одна политическая «семья», представленная на этот раз руководством Народной партии (НП). Ее основали в 1976 г. бывшие франкистские сановники (тогда она называлась Народный альянс). Долгое время партия воспринималась значительной частью общественности как «неофранкистская» и, казалось, не имела никаких шансов на превращение в ведущую политическую силу страны. Однако невероятное свершилось. Длительный, порой мучительный процесс кадрового и идеологического обновления привел к тому, что к руководству партией пришло новое поколение политиков во главе с Хосе Мария Аснаром, не связанных с франкистским прошлым. Модернизированная партия сменила идентичность, сдвинувшись к центру политического спектра, что позволило ей в конце концов победить на парламентских выборах.

Основные показатели социально-экономического развития Испании свидетельствовали, что политики из НП действовали весьма успешно. При этом упор делался не на перераспределительные функции государства, как это было при социалистах, а на создание условий для экономического роста, переход от государства благосостояния к «государству конкурентоспособности», адаптирующемуся к новым европейским реалиям [Powell, 2001, p. 576–577].

В 2004–2011 гг. политическую «семью» консерваторов вновь сменили социалисты. К власти пришло новое поколение деятелей ИСРП, возглавляемых Х.Л. Родригесом Сапатеро, который заявил, что начинает претворять в жизнь «новый курс, основанный на “спокойных переменах”» [Mas, 2002, p. 27]. Среди приоритетных задач «нового курса» было принятие законов, направленных на модернизацию общества. Социалисты осуществили решительные

меры по преодолению дискриминации женщин в испанском обществе, где было весьма ощутимо наследие *мачизма*, приняв Закон о равенстве полов и Закон о борьбе с домашним насилием. Было отменено обязательное религиозное обучение в школах, упрощена процедура разводов, тянувшихся годами, разрешены однополые браки [Испания..., 2007, с. 20].

Правительство ориентировалось на смену модели развития для достижения более высокой производительности труда. Переход к новой модели предполагал развитие индустрии знаний, научных исследований и технологий, повышение квалификации работников. Проекты бюджетов правительства носили отчетливо выраженный социальный характер, предусматривая увеличение расходов на образование, здравоохранение, выплаты населению. Решению социальных проблем благоприятствовали относительно высокие темпы экономического развития в 2005–2007 гг. [Испания..., 2007, с. 19].

Однако все изменилось с наступлением глобального кризиса. Правительство не могло справиться с лавинообразным ростом безработицы, бюджетного дефицита и внешней задолженности. Сложившаяся ситуация, а также греческий кризис и давление руководства ЕС побудили власти отказаться от курса на повышение производства и спроса населения и перейти к монетаристским решениям, в частности ограничению социальных выплат населению. Политика «жесткой экономии» вызвала волну критики в обществе, и прежде всего со стороны многих сторонников социалистов, упрекавших их за измену традиционным социал-демократическим принципам. На внеочередных парламентских выборах в ноябре 2011 г. ИСРП потерпела поражение, беспрецедентное за всю историю испанской демократии (потеряла 4,3 млн голосов), и перешла в оппозицию [Resultados..., 2011].

Напротив, Народная партия во главе с новым лидером Мариано Рахоем добилась лучшего результата в своей истории и вернулась к власти. Завоевав абсолютное большинство депутатских мест в нижней палате кортесов, правительство Народной партии получило возможность управлять, ни на кого не оглядываясь. Правление «семьи» консерваторов проходило в условиях глубокого

системного кризиса общества. Кризис обнажил множество проблем политико-институционального и социально-экономического характера, как новых, так и старых, решение которых откладывалось на «потом». Правительству НП удалось вывести Испанию из состояния рецессии. В активе НП санация финансовой системы, рост товарного экспорта. Испанский бизнес стал чувствовать себя значительно увереннее. Вместе с тем одним из наиболее ощутимых проявлений глобальной экономической рецессии и политики жесткой экономии, проводившейся правительством консерваторов, стало углубление социального неравенства по сравнению с докризисным 2007 г. Упали доходы многих слоев населения, были урезаны социальные выплаты. Вырос уровень безработицы, в структуре занятости повысился удельный вес временной и частичной занятости.

Ориентируясь на сохранение и укрепление существующего правопорядка, правительство уклонялось от решения назревших политико-институциональных проблем. По оценкам многих испанских экспертов, руководство НП вело себя в этих вопросах пассивно и безынициативно, предпочитая «плыть по течению» и практикуя закрытый от общественности стиль руководства. После нескольких лет правления позиции НП заметно ослабли.

Муниципальные выборы в мае 2015 г., парламентские в декабре того же года, а затем внеочередные парламентские выборы 2016 г. свидетельствовали, что эпохе бипартизма, понимаемой как доминирование двух партий в политической жизни Испании, пришел конец. Если прежде НП и ИСРП получали на национальных выборах 75–85% голосов, то теперь этот показатель снизился до 50–55% [Elecciones Generales., 2016]. На авансцену политической жизни стремительно ворвались две новые партии – «Подemos» («Мы можем») и «Сьюдаданос» («Граждане»). Первая из них воспринимается в общественном сознании как леворадикальная сила, вторая – как правоцентристская. Таким образом, состав политической элиты Испании намного расширился и усложнился в политико-идеологическом отношении. Хотя НП и ИСРП удалось сохранить первое и второе места по количеству полученных голосов и депутатских мандатов, они долгое время не могли договориться ни между собой, ни с новыми партиями о формировании правитель-

ства. Узкопартийные интересы и амбиции партийных лидеров препятствовали достижению договоренностей.

Только в конце октября 2016 г. Народной партии удалось получить вотум доверия, необходимый для постоянного правления. Однако коридор возможностей правительства НП, не имеющего абсолютного большинства в нижней палате кортесов, весьма узок. Императивом становится умение договариваться с другими политическими партиями. Необходимость компромиссов в правящей политической элите тем более важна потому, что Испания переживает глубокий политико-институциональный кризис, характеризующийся, в частности, падением доверия к политической элите. Значительная часть общественности ставит вопрос о пересмотре ряда базовых основ функционирования государства и переходе к новой модели развития.

Правящая политическая элита: черты социального портрета

Трансформации, происходившие в испанском обществе, существенно влияли на социальные характеристики правящей политической элиты, менявшиеся на каждом из этапов развития страны и вместе с тем нередко сохранявшие преемственность с предшествующими этапами.

Рост доли женщин во власти

На протяжении большей части XX в. для Испании было характерно крайне незначительное участие женщин в управленческих структурах. До 1980-х годов министром была только одна женщина – Федерика Монтсеню, занимавшая пост министра здравоохранения в левом правительстве Л. Кабальеро в первый год гражданской войны (1936–1937). Явная недопредставленность женщин во власти определялась общим положением дел в социуме, где они находились в угнетенном и эксплуатируемом положении. Широкое распространение получил так называемый *мачизм* – своеобразная психология, оправдывающая власть мужчины и в гипертрофированном виде утверждающая мужское начало. В общественном сознании во многом под влиянием католической церкви утвердилась формула: «Женщина создана для домашнего очага и

семьи, мужчина – для работы» [Carlos Comin, Garcia-Nieto, 1974, p. 160].

Эту точку зрения активно культивировал и франкистский режим (1939–1975), делавший ставку на управленцев-мужчин. Неудивительно поэтому, что Испания отстала от большинства европейских стран, в которых участие женщин на всех уровнях аппарата управления стало возрастать с конца 1960-х годов.

С приходом демократии ситуация резко изменилась. Доля женщин-министров стала неуклонно возрастать. В 1977–2009 гг. министрами были 34 женщины. Первая женщина в годы демократии появилась в правительстве Л. Кальво-Сотело (1981–1982). В кабинетах министров ИСРП (1982–1996) первая женщина появилась спустя шесть лет после победы этой партии на выборах. Всего в правительствах социалистов в эти годы было пять женщин. В правительствах Народной партии (1996–2004) было уже 11 женщин.

Кульминации процесс феминизации кабинетов министров достиг после формирования в 2004 г. кабинета министров ИСРП во главе с Х.Л. Родригесом Сапатеро. Его правительство впервые в истории Испании формировалось на паритетной основе: 16 министерских портфелей были поделены поровну между мужчинами и женщинами. Первым заместителем председателя правительства – опять же впервые в испанской истории – стала женщина, Мария Тереса Фернандес де ла Вега [Rodriguez Teruel, 2011, p. 237]. Вместе с тем в правительствах М. Рахоя (2011–2016) присутствие женщин вновь сократилось. Так, в кабинете министров, сформированном в ноябре 2016 г., из 14 портфелей 9 получили мужчины и 5 женщины [Galán, Alameda, Villar, 2016].

Возрастание доли женщин-министров в Испании, как и в других странах, объясняется прежде всего процессами социальной модернизации. С 1950-х годов начала возрастать производственная активность женщин, чему в решающей степени способствовали экономический бум, продолжавшийся до середины 1970-х годов, и увеличение потребностей населения. В обществе прогрессирующими темпами стало сокращаться традиционное социальное неравенство между полами. Соответственно, возросло участие женщин в политической жизни, присутствие их в партиях и в партийных

избирательных списках, национальном и региональном парламентах, кабинетах министров.

Попутно заметим, что нет прямой связи между членством женщины в парламенте и последующим получением ею министерского портфеля. Только семь женщин-министров были до этого депутатами и сенаторами. Примечательна также нехарактерная для европейских стран особенность Испании: в ряде legislatures доля женщин, присутствующих в правительстве, была больше доли, представленной в парламенте [Rodriguez Teruel, 2011, с. 239].

Отдельно надо сказать о роли партий во включении женщин в политическую жизнь. Левые партии, в частности региональные, начали вовлекать их в политику раньше и чаще, чем консервативные. Любопытно различие в поведении националистических партий. Если в Стране Басков доминирующая здесь Баскская националистическая партия (БНП) опережала другие здешние партии по части вовлечения женщин в региональный парламент, то ведущие националистические партии Каталонии – «Конвергенция и Союз» и «Левые республиканцы» – становились своего рода «плотиной» на этом пути [Coller, 2008, p. 139].

Однако последний пример скорее исключение. Как правило, партии, независимо от своей идеологической ориентации, формируя кабинет министров, стремятся расширить представительство женщин. При этом они перенимают друг у друга накопленный опыт. Назначение женщины на министерский пост после победы партии на выборах становится символом обновления и ответом на поддержку избирателей.

Большинство женщин в Испании получают министерские посты после победы партии на выборах. Значительно реже они становятся министрами в ходе реорганизации правительства во время legislatures. Министерские портфели, получаемые женщинами, обычно соответствуют тем сферам деятельности, в которых они традиционно заняты в повседневной жизни (здравоохранение, образование, культура, социальные вопросы). Нередко они становятся руководителями новых министерств (по вопросам окружающей среды и жилищным вопросам).

Обычно женщины работают министрами в течение одного установленного срока и не меняют министерства. Вместе с тем бывают исключения. Так, каталонка Кармен Чакон была в правительстве Х.Л. Родригеса Сапатеро вначале министром по жилищным вопросам, а затем министром обороны.

Заметно возросло представительство женщин и в парламенте. В период второй легислатуры Х.М. Аснара (2000–2004) они занимали 28% депутатских мест, а затем в годы правления Х.Л. Родригеса Сапатеро (2004–2011) их представительство возросло до 36%. В сенате эти цифры составляли соответственно 25 и 28,3%. Увеличилось и участие женщин в работе автономных парламентов. В среднем их представительство здесь превышало 40%.

Переломным моментом стали выборы 2007 г., когда на выборах в парламенты автономных сообществ появилось как никогда много женщин-депутатов. Произошедшая метаморфоза в решающей степени объяснялась Законом о равенстве полов, принятым правительством ИСПП, который обязывал партии предоставлять женщинам как минимум 40% мест в избирательных списках. Тем не менее в разных автономиях дело обстояло по-разному. Если в семи автономиях участие женщин не дотягивало до среднего уровня, то в двух – Кастилья-Ла Манча и Страна Басков – они составляли большинство. Среди испанцев – депутатов Европарламента доля женщин в 1994 г. составляла 30%, увеличившись до 36% в 2009 г. [Linz, 2013, p. 971].

Возрастные характеристики

В первые три десятилетия демократического развития кабинеты министров были самыми молодыми по сравнению как со всеми предыдущими правительствами Испании XIX–XX вв., так и с большинством своих европейских аналогов. Средний возраст министров составлял 46 лет и был сопоставим только с их средним возрастом в годы II Республики (1931–1939) – 47 лет. Во времена франкистской диктатуры средний возраст членов кабинета составлял 51 год.

Среднестатистический показатель распределялся неравномерно по возрастным категориям. Наиболее многочисленной была

категория 40–49-летних – 57,3% министров (при франкизме таковых было 40,8%). Далее шли 50–59-летние министры – 21% (в годы франкизма – 26,6%), за ними 30–39-летние – 17,5% (при режиме Франко – 7,5%). Замыкали список министры старше 60 лет. Их было всего 4,1% (в годы франкизма – 23,3%) [Linz, 2013, p. 968].

Важнейшее значение для омоложения управленческих, в частности министерских, кадров имела смена политического режима, повлекшая за собой образование новой правящей партии – Союза демократического центра – и обновление руководящей верхушки в основных оппозиционных партиях. Относительно молодыми были четыре председателя правительства, партии которых побеждали на парламентских выборах. А. Суаресу было 44 года, Ф. Гонсалесу – 40, Х.М. Аснару – 43, Х.Л. Родригесу Сапатеро – 44 года [Linz, 2013, p. 969–970]. Исключением стал только М. Рахой, которому в 2011 г., когда Народная партия победила на выборах, было 55 лет.

Относительная «молодость» отличала и депутатский корпус. При этом региональные политики зачастую были моложе депутатов и сенаторов кортесов. Примечательно также, что депутаты правых партий были несколько старше депутатов левых [Coller, 2008, p. 139–140].

Смена у власти правительств различной политико-идеологической направленности также превращалась в мощный фактор обновления правящей элиты. После первой победы на выборах ИСРП в 1982 г., а затем НП в 1996 г. правительство становилось более «молодым» по сравнению с тем, которое уходило в отставку. Но так было не всегда. В правительстве ИСРП во главе с Х.Л. Родригесом Сапатеро, сформированном в 2004 г., тренд поменялся. Если в кабинетах СДЦ средний возраст министров составлял 43,7 года, а в первом правительстве Ф. Гонсалеса – 43,9, то в правительствах Х.Л. Родригеса Сапатеро этот показатель возрос до 49,6 года [Linz, 2013 p. 970]. Самым «старым» оказался кабинет министров, сформированный в 2011 г. М. Рахоем, – 55,5 года. В правительстве НП, образованном в ноябре 2016 г., этот показатель снизился до 51,8 года [Galán, Alameda, Villar, 2016].

Смена тенденции объяснялась прогрессирующей стабилизацией испанской демократии и соответствующим замедлением

темпов внутриэлитной циркуляции. Сыграло роль и то, что в первой половине 1980-х годов сложилось «государство автономий» с разветвленным региональным аппаратом управления. Политик, прежде чем быть приглашенным в центральное правительство, зачастую должен теперь поработать в управленческих структурах регионального уровня.

Уровень образования и профессиональный состав

Уровень образования членов правительства Испании очень высок. В 1977–2011 гг. 93% из них закончили высшие учебные заведения. Высокие показатели уровня образования вообще характерны для стран Южной Европы, в большинстве же других стран континента они ниже [Rodriguez Teruel, 2011, p. 254]. Традиционным центром подготовки будущих высокопоставленных государственных деятелей Испании был Мадридский университет Комплутенсе (дипломы его выпускников получили в 1977–2011 гг. 54,5% всех министров) и другие университеты столицы Испании. Университеты других городов Испании в этом плане далеко отставали от них: Гранады – 9% выпускников, Севильи – 6,6% и т.д. [Linz, 2013, p. 977].

Отличительная особенность испанских правительств – высокий удельный вес министров с юридическим образованием. В 1977–2011 гг. они составляли 57% от их общего числа. Затем с большим отрывом шли министры с дипломами по другим общественным наукам – 32%. Среди них явно преобладали экономисты, доля которых равнялась 24%. Вообще численность министров, имеющих гуманитарное образование, характеризовалась тенденцией к увеличению. Напротив, удельный вес членов правительств с дипломами научно-технических учебных заведений снижался – с 23% в правительствах А. Суареса до 12% в кабинетах министров Х.Л. Родригеса Сапатеро [Rodriguez Teruel, 2011, p. 256].

В плане профессиональной принадлежности министров правительства НП и ИСРП заметно отличались друг от друга. В правительствах Народной партии явный приоритет был у министров с дипломами юристов. Так, в первом правительстве Х.М. Аснара их доля составляла 79%, министров, имевших научно-техническое образование, – 26, а экономическое – 16%. В разных правительствах

ИСРП юристы тоже преобладали, но их перевес не был таким явным, как у консерваторов. Профессиональный состав министров отличался здесь большим разнообразием. Например, в правительства Х.Л. Родригеса Сапатеро входили 51% юристов, 20 – экономистов, 18% министров, имевших университетские дипломы по другим общественным наукам. Остальные имели научно-техническое образование [Rodriguez Teruel, 2011, p. 256]. В первом правительстве Х.М. Аснара не было ни одного университетского профессора, а во втором – всего 4%. Напротив, в двух кабинетах министров Ф. Гонсалеса их было, соответственно, 32 и 36%, а в правительствах Х.Л. Родригеса Сапатеро – 31% [Ibid, p. 257]. В правительствах Х.М. Аснара, защищающего интересы крупного капитала, были представлены предприниматели и банкиры. В первом его правительстве их было 21%, во втором – 11%. В правительстве социалистов Х.Л. Родригеса Сапатеро банкиры составляли всего 3% [Ibid].

Отличительной особенностью состава правительств эпохи демократии по сравнению с франкистским периодом стало полное отсутствие в них военных. Отчасти это было связано со слиянием нескольких военных министерств, существовавших при авторитарном режиме, в одно министерство обороны, которое к тому же с 1979 г. стали возглавлять гражданские политики. Примечательно также очень незначительное присутствие в составе правительств лиц, прежде занимавшихся физическим трудом. В правительствах социалистов Ф. Гонсалеса и Х.Л. Родригеса Сапатеро их было, соответственно, 5 и 3%, а в правительствах Х.М. Аснара не было вообще [Rodriguez Teruel, 2011, p. 257].

«География» министров

По различным оценкам, до половины министров в годы демократии родились в Мадриде. Другими территориями, «поставлявшими» будущих министров, были Андалусия, Кастилия и Леон, Галисия, Каталония, Валенсия, Страна Басков [Rodriguez Teruel, 2011, p. 267–268]. Примечательно также, что если в период II Республики 45% министров составляли выходцы из аграрных и аграрно-промышленных регионов, то в годы демократии свыше 70% министров родились в городских центрах [Lin, 2013, p. 972]. Доля

министров, родившихся в местностях, которые не являются ни столицами автономных областей, ни главными городами, составляла менее одной трети.

Примечательно, что приоритетную роль Мадрида в процессе формирования элиты не «отменяют» процессы децентрализации, развивающиеся в последние десятилетия в испанском «государстве автономий». Вместе с тем эти процессы расширяют географические возможности формирования элиты. Как отмечают испанские авторы, создается впечатление, что «ни один регион полностью не исключен из представительства в правительствах Испании и ни один из них не способен доминировать над остальными» [Linz, 2013, p. 975].

Следует также иметь в виду, что отбор будущих министров может зависеть от прочности позиций партии в том или ином регионе. Глава правительства нередко находит членов своей команды на тех территориях, где у партии наиболее сильные позиции, с тем чтобы обеспечить будущую поддержку избирателей региона. Одновременно такое решение становится своего рода благодарностью избирателям за поддержку, оказанную ими его партии на выборах.

Пути формирования правительства и траектории карьерных перемещений

В жизни будущих испанских министров рано или поздно наступал этап превращения политики в основную профессию. Они либо избирались в парламент, либо попадали в аппарат управления центрального правительства и автономных областей. Работа здесь становилась для них школой обучения и обретения необходимого опыта для последующей деятельности в правительстве. Более 80% министров занимали до прихода в правительство политические посты [Linz, 2013, p. 989]. Прямой путь с университетской кафедры или из банка в кабинет министров представляет собой исключение. По замечанию испанского политолога Х. Родригеса Теруэля, «министрами не рождаются, ими становятся» [Rodriguez Teruel, 2011, p. 280].

Чаще всего будущие министры приходят в правительство из парламента. Правда, в Испании, в отличие от многих других стран,

где школу парламентской выучки проходят значительное большинство министров, число таковых существенно ниже – 53,2% в 1977–2011 гг. Иными словами, чуть меньше половины министров прежде не были депутатами нижней палаты кортесов и сенаторами. Вместе с тем по сравнению с временами франкизма произошел принципиальный сдвиг. Тогда свыше 90% министров никогда не были депутатами парламента, что не должно удивлять, поскольку франкизм относился крайне негативно к политическим партиям [Linz, 2013, p. 986, 988].

В правительство переходят с более низких постов в министерствах, а также с государственной службы и частных структур: 28% министров до этого были заместителями министров или заместителями заместителей, 16% были генеральными директорами различных ведомств [Linz, 2013, p. 989]. Становятся министрами, приобретая, как правило, перед этим определенный управленческий опыт, и предприниматели, и банкиры, и лица свободных профессий – адвокаты, писатели, журналисты.

После формирования «государства автономий», как уже отмечалось, получил распространение приход в правительство высокопоставленных управленцев из регионов. Властные структуры автономий превратились в один из центров подготовки национальной руководящей элиты: 44 министра (24% от их общего числа) до прихода в правительство занимали какой-либо пост в администрации автономии [Rodriguez Teruel, 2011, p. 315]. Немало будущих министров были до этого членами правительств автономии. В правительстве Ф. Гонсалеса было трое министров с такой биографией, в кабинетах Х.М. Аснара и Х.Л. Родригеса Сапатеро – уже соответственно шесть и семь. Сам Х.М. Аснар до того, как возглавил правительство Испании, был президентом правительства Кастилии и Леона, а трое его министров входили в правительство этой автономии.

Вообще в правительствах Х.М. Аснара выходцы из аппарата управления регионов составляли половину членов. Правда, не все они стали министрами, закончив работать в автономиях. Часть их работала в других государственных структурах, и прошли годы, прежде чем их пригласили в правительство. Напротив, у минист-

ров из региональных институтов управления, вошедших в правительство Х.Л. Родригеса Сапатеро, никаких временных промежуток не было [Rodriguez Teruel, 2011, p. 318, 320].

Большинство будущих министров были членами партий или молодежных организаций той или иной партии, студенческих объединений, профсоюзов и предпринимательских организаций. При этом членство в партиях занимает приоритетное место, намного обгоняя участие во всех остальных организациях: четыре из пяти министров состояли в какой-либо партии, причем 70% – в руководящих органах. Правда, в различных правительствах эпохи демократии дело обстояло по-разному. Например, в правительствах Х.М. Аснара в партиях не состояли только два министра. Напротив, в правительстве Х.Л. Родригеса Сапатеро таковых было 40%. Когда испанская партия, победив на выборах, формирует правительство, партийная элита сливается с правительственной, поскольку руководители партии получают важнейшие портфели в кабинете министров. Обычно они составляют свыше трети всех министров [Rodriguez Teruel, 2011, p. 296–300].

Существуют два пути попадания в правительство через партии – прямой и непрямой (во втором случае партия отбирает кандидатов, входящих в ее избирательный список на парламентских выборах). В Испании, как и повсюду в странах с либеральной демократией, преобладает второй путь, так как первый предполагает существование партий с очень сильной бюрократической структурой, укоренившейся во всех сферах жизни общества [Rodriguez Teruel, 2011, p. 296].

На этапе демократии в правительства Испании входили люди с разным политическим опытом. Председатель первого правительства СДЦ «франкист-обновленец» А. Суарес не включил в его состав лиц, занимавших руководящие посты в годы франкизма (единственным бывшим франкистским министром был Пио Кабанильяс). Вместе с тем подавляющее большинство членов первого кабинета министров А. Суареса составили представители второго эшелона франкистской политической элиты – военные, высокопоставленные функционеры, гражданские губернаторы. Во втором

же правительстве А. Суареса треть министров уже не была связана с франкистским режимом [Rodriguez Teruel, 2011, p. 288].

В период правления ИСРП ситуация кардинально изменилась. Из кабинета министров исчезли бывшие франкистские чиновники. Преобладать в нем стали люди, стоявшие в оппозиции к диктатуре, преимущественно из левых партий. Семь министров-социалистов во времена франкизма были исключены из университета по идеологическим мотивам. Одни из них стали политзаключенными, другие вынуждены были временно эмигрировать. В двух правоконсервативных кабинетах министров Х.М. Аснара связь с прошлым сохранялась, но проявлялась по-разному. В первом правительстве трое министров прежде входили в управленческий аппарат франкизма, напротив, во втором – четверо членов кабинета в молодости были связаны с умеренной оппозицией диктатуре. Народная партия давала понять избирателям, что в Испании наступили новые времена, и она дистанцируется от прошлого. В правительствах ИСРП, возглавлявшихся Х.Л. Родригесом Сапатеро, остались несколько министров, которые боролись с франкизмом в последние годы режима [Rodriguez Teruel, 2011, p. 280, 288–289].

Большинство министров (61,9%) занимали свой пост в годы демократии в течение одной легислатуры. В то же время часть их находилась на министерских постах значительно дольше: 18,5% были министрами четыре-восемь лет (они уступали франкистским министрам, коих было 29,2%) или даже более восьми лет – 4,7% (при франкизме таковых было 23,3%) [Linz, 2013, p. 991].

Министерская карьера в испанском правительстве может заканчиваться по-разному. К примеру, становится все больше случаев возвращения бывших министров в руководящие структуры автономий. После вступления Испании в ЕС, политическую, а затем и военную организацию НАТО и другие европейские институты открылись новые пути циркуляции элит.

Можно выделить четыре траектории карьерных перемещений испанских министров: горизонтальная, при которой министрами становятся лица, занимающие высокие государственные посты; восходящая, описанная выше; нисходящая, характеризующаяся перемещением министров из правительства в более низкие «этажи»

власти, в частности в управленческий аппарат автономий; «множественная», при которой министр до или после пребывания в правительстве занимает несколько (как правило, три или больше) постов в разных структурах, причем зачастую траектория его карьерных перемещений не является в строгом смысле слова ни восходящей, ни нисходящей.

Горизонтальный тип перемещений преобладал в начале процесса демократизации и соответствовал ситуации перехода от системы, основанной на характерном для франкистского режима рекрутировании министров из рядов бюрократической элиты и государственного аппарата, к системе, свойственной демократии, когда одним из главных поставщиков министерских кадров становится парламент. В дальнейшем в связи с формированием «государства автономий» и вступлением Испании в европейские институты возможности для карьерных перемещений будущих министров существенно расширились. Восходящая, нисходящая и «множественные» траектории стали само собой разумеющимися.

Социальная конфигурация правящей политической элиты и социальная структура общества

Социальная конфигурация испанской политической элиты не является адекватным отражением социальной структуры общества. Возьмем, к примеру, региональную политическую элиту. За последние четверть века в ней, в частности в ее депутатском корпусе, произошли изменения. Возросло присутствие женщин. Средний возраст депутатов вырос с 42 до 46,6 года. Среди них росла доля лиц с университетскими дипломами – с 83 до 88%. Увеличилось число адвокатов – с 19 до 22%, а также профессоров и преподавателей – с 19 до 23%. Одновременно сократился удельный вес собственников и управленцев – с 16 до 10%, а также переселенцев из других регионов – с 17 до 13% [Coller, 2008, p. 149].

Эти в общем-то незначительные изменения никоим образом «не отменяют» того, что правящая политическая элита относительно гомогенна, устойчива по своей социальной конфигурации. По существу, это своего рода «микромир», развивающийся по своим законам. Ту же региональную политическую элиту формируют

в основном молодые мужчины, которые родились в той же местности, где завоевали депутатский мандат, имеют университетский диплом адвоката или преподавателя.

Относительная однородность элиты в значительной степени контрастирует с гетерогенностью испанского общества. Так, в отличие от руководящей политической элиты, в которой преобладают мужчины, в испанском обществе доли мужчин и женщин примерно одинаковы. Если в элите очень высок удельный вес лиц с университетскими дипломами, то в обществе их меньшинство. Большинство же в нем составляют трудящиеся, которые в элите явно недопредставлены. В большинстве автономий высок удельный вес переселенцев из других регионов Испании, который до последних лет непрерывно возрастал. Во властвующей же элите этот слой сокращается, а в некоторых автономиях, как, например, в Каталонии, где силен региональный национализм, переселенцы из других регионов вообще не представлены в руководящих органах.

Объяснить, почему состав элиты не является отражением социальной структуры общества, не сложно. Дело в том, что в обществе есть группы или отдельные люди, у которых больше возможностей, чем у других, стать частью политической элиты. И эти возможности зачастую реализуются.

Резюмируя, подчеркнем, что в составе испанской правящей политической элиты постоянно происходят перемены. Ее нынешний состав значительно отличается не только от франкистской элиты, но и от той, которая осуществляла модернизационный проект в 1970–1990-х годах. Нынешние правящие элиты, представляющие уже третье и четвертое поколения времен демократии, не связаны с предшествующими поколениями соответствующим опытом. Это значит, что отвечать на многочисленные вызовы, стоящие перед современным испанским обществом, они будут по-своему. Сможет ли нынешнее поколение правящей политической элиты отреагировать на эти вызовы так же достойно, как это делали предшественники, решая проблемы своего времени, даст ответ близкое будущее.

Список литературы

Волков М.С. Правящая элита Испании: Этапы политической и социальной трансформации (вторая половина XX – начало XXI в.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2014. – 37 с.

Испания. Анфас и профиль / Под ред. В.Л. Верникова. – М.: Весь мир, 2007. – 474 с.

Хенкин С.М. Испания после диктатуры: Социально-политические проблемы перехода к демократии. – М.: Наука, 1993. – 200 с.

Carlos Comin A., Garcia-Nieto J.N. Juventud obrera y conciencia de clase. – Madrid: Cuadernos para el diálogo, 1974. – 224 p.

Coller J. El sesgo social de las élites políticas. El caso de la España de las autonomías (1980–2005) // Revista de estudios políticos. – Madrid, 2008. – N 141. – P. 135–159.

Elecciones Generales 2016 / ABC [Сайт]. – 2016. – Mode of access: <http://www.abc.es/elecciones/elecciones-generales/resultados/> (Дата обращения – 07.11.2016).

Galán J., Alameda D., Villar G. Interactivo. Los ministros de cada inicio de legislatura // El País. – 2016. – 04.11. – Mode of access: http://elpais.com/elpais/2016/11/03/actualidad/1478176196_238631.html (Дата обращения – 07.11.2016).

Gómez M.V. Crece la brecha salarial entre los trabajadores precarios y fijos // El País. – 2015. – 24.06. – Mode of access: http://economia.elpais.com/economia/2015/06/24/actualidad/1435171204_130502.html (Дата обращения – 07.11.2016).

Linz J.J. Obras escogidas. – Vol. 6. – Partidos y élites políticas en España. – Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2013. – 1185 p.

Mas F. España, la década decisiva (1990–2000). Retrato de un país ante el nuevo milenio. – Barcelona: Grupo Editorial Random House Mondadori, S.L. 2002. – 431 p.

Powell Ch. España en democracia. – Barcelona: Plaza & Janes Editores, 2001. – 645 p.

Resultados. Elecciones generales 2011 / ABC [Сайт]. – Mode of access: <http://www.abc.es/elecciones/20n-2011/resultados/> (Дата обращения – 07.11.2016).

Rodríguez Teruel J. Los ministros de la España democrática. – Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2011. – 482 p.